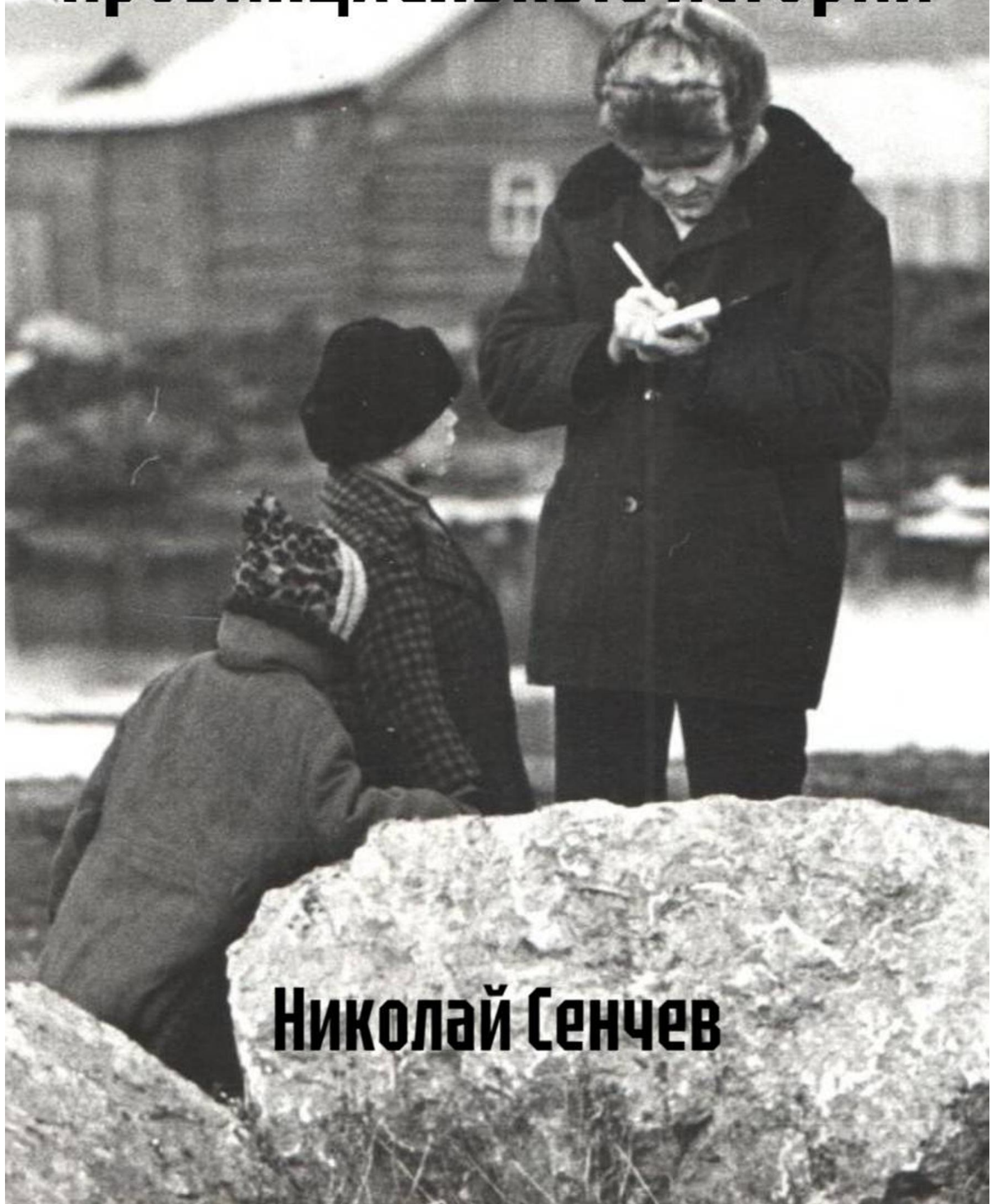

Провинциальные истории

Николай Сенчев

Николай Сенчев

Провинциальные истории

«Автор»

2026

Сенчев Н. В.

Провинциальные истории / Н. В. Сенчев — «Автор», 2026

Автор, Сенчев Николай Васильевич, отдал журналистике более 60 лет жизни. Опыт работы в советских, а затем в современных СМИ позволил ему по-своему понять и оценить общественно-политические процессы в стране. Главный герой повествований - человек с его слабостями и достоинствами, духовными и душевными метаниями, разочарованиями и верой в новые идеалы. Рассказы носят ярко выраженный публицистический характер, их герои - это собирательные образы многих реальных прототипов. Но если в образах этой книги читатель узнает знакомые лица, то это будет случайным совпадением. Николай Сенчев родился в 1949 г. в посёлке Волжский Оренбургской области. Здесь же окончил среднюю школу и в семнадцать лет начал работать в районной газете. После службы на флоте окончил факультет журналистики Уральского госуниверситета (г. Свердловск) и начал работать в газетных изданиях. Последние 26 лет своей трудовой биографии был главным редактором радио ГТРК Волга (г. Ульяновск). Заслуженный работник культуры РФ.

© Сенчев Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встретились два одиночества	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Сенчев

Провинциальные истории

Глава 1. Встретились два одиночества

Адвокат Валентин Викторович Прохоров объявился на своей малой родине, в одном из областных центров Поволжья, в начале девяностых годов. Впрочем, тогда ещё он адвокатом не был. Отставной полковник в своё время служил в Прикарпатском военном округе в разных должностях. Последние три года перед увольнением из армии был помощником командующего округом генерал-полковника С. Выполнял разные поручения. Но в основном занимался правовой экспертизой документов, поступающих к генералу на подпись.

Свою службу Прохоров любил и ценил. Командующий относился к нему по-отечески и на будущее планировал его выдвижение на важную должность в военный трибунал округа. Всё складывалось как нельзя лучше. И даже участвовавшие семейные передраги казались ему на этом фоне глупенькими недоразумениями.

С будущей женой он познакомился на танцульках в Стрыйском парке, куда в дни субботних и воскресных увольнений ватагами устремлялись курсанты Львовского военного училища. Она ему показалась тогда гарной дивчиной с мягким, застенчивым, характером. Она действительно выделялась среди шустрых чернявеньких евреечек и златокудрых полячек, которых в ту пору во Львове было немало.

Оксана полюбила Прохорова, можно сказать, с первого взгляда, с первого романтического вздоха. Но как только они скрепили свой брак, его избранница вдруг обнаружила в себе непреклонный командирский тон. Поначалу это казалось забавным, даже смешным. К месту и не к месту она цыкала на мужа: а ну ка, нишкни! Прохоров удивлялся, где она нахваталась таких выражений, которые в жизни уже и не встречаются. Удивлялся и даже восхищался неподражаемой бойкостью жены.

Но однажды к слову нишкни она прибавила другое словечко - кацап! Это прозвучало немного оскорбительно. Причём в ситуации, не стоящей выеденного яйца. За обедом Прохоров неловко повернулся и опрокинул суповую кастрюлю на пол. Ну и понеслось! Оксана бушевала около часа, награждая мужа обидными словами. Он и дармоед, и вахлак, и кривые руки ну и, разумеется, лапотный кацап... Покладистый по характеру, Валентин Викторович умел улеживать жену, она быстро отходила и через час-другой в их доме снова наступал мир и покой.

Конечно, полной семейной идиллии всё-таки не было. Оксана нет-нет да и показывала, кто в доме хозяин. Появление на свет двух очаровательных дочурок утепило супружеские отношения настолько, что Оксана, подражая известной киношной героине, в приступе нежности игриво спрашивала Валентина Викторовича: Прохоров, ты меня лю? Конечно, лю! Ещё как лю!- отвечал ей покорно Прохоров, поглаживая жену по широкому упругому крупу.

Командующий округом, поощряя служебное рвение своего помощника, помог ему получить трёхкомнатную квартиру в хорошем микрорайоне Львова. Новое жилище обставили в стиле модерн, для чего пришлось воспользоваться услугами польских заезжих продавцов. Оттуда, из Польши, в ту пору можно было много чего хорошего завезти через условную границу и также много чего хорошего переправить в Польшу. Это был нормальный житейско-бытовой товарообмен, который, конечно, никем не воспрещался.

Первые неприятные сквозняки в общественной да и в армейской жизни лично Прохоров почувствовал по поведению Оксаны. Жена всё чаще и чаще стала бывать на собраниях местного отделения народного движения Украины (Руха). Возвращалась домой возбуждённой и молчаливой. И однажды, когда её муж в очередной раз стал разбирать архивные записи о судьбе

советского разведчика Николая Кузнецова, погибшего в 1944 году под Львовым, Оксана раздражённо буркнула, и не просто буркнула, а произнесла со змеиным шипением: Дался тебе этот террорист! Тоже мне нашли героя ... Прохорова это сразило наповал. Он молча оделся и ушёл в ночь.

Многие сослуживцы Валентина Викторовича, украинцы и не только украинцы, как-то быстро и глубоко пропитались идеями Руха и всё чаще и чаще стали говорить словами и фразами политических майданов. Прохорова особенно корбило их утверждения, что Россия нахлебница Украины, что СССР без Украины - пустое место, зловонная помойка. Валентин Викторович умом понимал, что не все украинцы так думают, что простой люд начисто лишён этих безрассудных закидонов, но горький осадок от услышанного угнетал душу, мучил сознание. В середине 1990 года Прохоров зашёл с очередным докладом к генералу. Хмурый и даже раздражённый, генерал не глядя на своего помощника, спросил: - Слышал, Украина объявила о своём суверенитете? - Да, вчера вечером во всех СМИ это прошло.

-И что думаешь?

- Даже не знаю, что сказать... - А что здесь говорить, - глаза генерала сузились, стали острыми как гвозди и мелко задрожали синеватые губы. - Парад суверенитетов. Себя мы начинаем убивать.

Вскоре после этого разговора произошли другие события: создание ГКЧП, его поражение, а затем известная встреча в Вискулях Беловежской пуши, где были подписаны документы о роспуске СССР и образовании Союза независимых государств. Во Львове митинговый накал ещё больше усилился. Но теперь он был не протестный, а ликующий. Наиболее яростные деятели Украины требовали приступить к немедленному разделу общего имущества. Армия, разумеется, тоже подлежала дележу.

Однажды прямо на улице к Прохорову подошёл элегантный мужчина средних лет. Аттестовал себя представителем Вячеслава Черновила - главы Львовского областного совета. Разговор был любезным и коротким. Речь шла о том, какую армию выбрать для продолжения службы - украинскую или российскую?

-Имейте в виду, - сказал посланник, - у вас жинка украинка, дочери украинки. Не будете же разрушать семью.

Вечером Оксана сама завела речь, что же делать дальше. Валентин Викторович слушал её горячий убеждающий голос с крикливыми интонациями. Из армии, твердила она, ни в коем случае нельзя уходить. Но только из армии нашей - украинской! Ты это понимаешь?

- Но я же русский человек. Советский человек, - раздражённо отвечал ей муж. - Не забывай, я присягу принимал и я не хочу торговать присягой. Давай уедем ко мне на родину. Есть сбережения, купим квартиру или дом. Я пойду в адвокаты. Ты педагог, без работы не останешься. Не пропадём ведь!

- Дурак! - резко оборвала его Оксана и добавила. - дурак и кацап!

После этой перебранки Прохоров не спал всю ночь. Пожалуй, впервые он подумал о том, какую ужасную ошибку совершил, когда женился на Оксане. Эта прискорбная мысль наезжала на другие тревожные размышления. Куда податься, где моя родина? Что происходит сейчас в России? Телевизионной и газетной информации Прохоров, как и многие другие его сослуживцы, уже не верил. Одно только можно было уяснить из потока новостей, что в Москве идёт нешуточная драчка за обладание кремлёвской властью и в этой кутерьме никто никого не будет щадить.

Оно так и произошло. Октябрь 1993 года принял кровавый окрас. Противоборствующие стороны обвиняли друг друга в мятеже. Конституционный суд, законодательная власть регионов встали на сторону советов. Силовой блок подчинился президенту. Как изрёк один зарубежный поэт, мятеж не завершается удачей, в противном случае зовётся он иначе. Весы качнулись в президентскую сторону и многие-многие, даже не покрестившись, дружно и восторженно

заговорили о победе прогрессивного будущего над мракобесием прошлого. К этому времени Прохоров принял окончательное решение. Всё, баста! Буду возвращаться в Россию - в милые сердцу родные места. Оксана, сохраняя приличие, упрятала своё ругательское настроение. На прощание клятвенно пообещала не мешать Прохорову общаться с дочками.

Дорога на Волгу была не обременительной. В руках лишь небольшой чемоданчик, на плечах - офицерский китель без погон. Почти трое суток в поезде он провёл в полудремотном состоянии. Впервые за все годы жизни чувствовал себя чужим на этой земле, отрезанным лом-тём и даже мысль о скорой встрече с родными местами его не согревала.

Стараясь заглушить душевную растерянность, Валентин Викторович стал вспоминать школьные годы, своих сверстников. Класс, в котором он учился был ровненьким. По правде говоря, школьные учителя не блистали педагогическим талантом и обширными знаниями. Приходилось напрягаться самим, чтобы к выпуску подойти мало-мальски подготовленным.

Среди одноклассников выделялась Наташа - малоразговорчивая и всегда задумчивая девчушка. Иногда она выдавала удивительные перлы. Однажды она заявила, что нечего пенять на учителей, коли рожа крива. И в самом -то деле, большинство в классе дальше школьной программы ничем не интересовались, книг почти не читали и в своё будущее не заглядывали.

Наташа была другая. Однажды на уроке литературы учитель предложил каждому прочитать своё любимое стихотворение. Первым вышел к доске Миша Свиридов. И прочитал: в лесу родилась ёлочка... Учитель хмыкнул: что ж, и это неплохо! Кто ещё? Встал Рамис Сафин. И он продекламировал почти то же самое: мишка косялапый по лесу идёт... Понятное дело, класс захохотал.

Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая
рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки
кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к
обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди
подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не

игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый
этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображение,
—
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.
А если это так, то что есть
красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Класс, дослушав до конца, молчал. А чьи эти стихи? - спросил кто-то с передней парты. Это Николай Заболоцкий, - ответила Наташа, - и добавила, - Я люблю этого поэта. Учительница, которая затеяла литературную викторину, была сильно озадачена. Ей трудно верилось, что такой сложный поэт с многомерным творчеством мог стать кумиром ещё незрелой, как ей думалось, школьницы.

Но учителя часто ошибаются в оценках своих воспитанников. Наташа была вещью в себе, погруженная в своё воображение и проживающая в этом воображении лучшие свои дни. Нет, она не была оторванной от реальности, эту реальность ценила по-своему, в своих мечтаниях исправляя её мрачные тени.

Прохоров после той истории со стихотворением воспринимал Наташу уже по-другому. Ему нравилось, как она себя вела в классе, его притягивала её скромная молчаливость. А в её внешности он открыл такие красивые черты, которые раньше не замечались. Она совсем не была дурнушкой, как стихотворная героиня Заболоцкого. Тугая русая коса, глаза ещё юные, но уже утомлённые какими-то постоянными взрослыми раздумьями. Всё, как говорится, было при ней. И молодая высокая грудь, и точёные, слегка полноватые ноги. И талия, охваченная белоснежным школьным сарафаном.

Да что там внешность! От неё шло другое притяжение, которое не поддаётся ни описанию, ни осмыслению. Прохорова влекло к ней и он, скрывая это от других, старался избегать Наташу. Да бывает и так. Внезапно проснувшаяся влюблённость сковывает тебя как чугунные вериги. И не удивительно, что его сердечные вздохи так и стались тайной как для самой Наташи, так и для всех одноклассников.

Выпускные экзамены развели прохоровский класс по разным дорогам. Кто-то уехал на север, иные подались на строительство БАМа. Наталья поступила учиться в местный педагогический институт. А Прохоров, как и загадывал, успешно поступил в военное училище, после окончания которого ему пришлось послужить в разных концах СССР, пока не осел во Львове, откуда теперь он возвращался на родину с маленьким чемоданчиком и в офицерском кителе без погон. Город на Волге встретил его недружелюбно. Симпатичный вроде бы город, застрявший между двумя реками. В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века он широко распахнулся и принял очертания солидного областного центра. А вот горожане как были от роду настороженными, зажатыми, куркулистами, так такими и остались. Прохоров,

хоть и был выходцем из здешних мест, для местного чиновничьего планктона являлся чужаком. А к чужаку и отношение соответственное.

Потихоньку-полегоньку Валентин Викторович преодолевал недоверчивость к себе, обзаводился знакомствами. В адвокатской конторе он вскоре выдвинулся на заметные роли и к нему, как к адвокату, начали записываться в очередь. Популярность Прохорова объяснялась его высокой юридической квалификацией. Он хорошо знал уголовно-процессуальные премудрости и мог без особого труда развалить любое рыхлое обвинение, в котором следователи допускали ошибки, неточности, промахи.

Знакомый Прохорова, тоже адвокат, как-то завёл разговор о социальной справедливости - очень больной и навязчивой теме любых бесед.

- Ты слышал, заместителя губернатора Белибердова, который село курировал, повязали?

- Да, слышал, - ответил Прохоров. - И когда только они нажрут. Уже вагонами тащат.

- Мы должны радоваться этому, дорогой коллега. Они воруют, а наше святое дело справедливо перераспределять наворованное. В том числе, и в свою пользу. Ферштейн?

- Это как так?

- А то не знаешь...

Да, Прохоров уже догадывался, как это делается. Перед тем, как арестовали Белибердова, в следственный изолятор загремел другой крупный чиновник. В адвокаты он взял себе Бельшева, прозванного за свои услуги прокладкой. Его задача, как защитника, заключалась в том, чтобы хорошенько обезжирить подследственного от момента задержания до конечной финальной точки - суда. В этой цепочке никто не оставался обиженным - ни опер, ни следователь, ни представитель прокуратуры, ни судья. Ни сам обвиняемый! Он был доволен уже тем, что его уголовные делишки квалифицировались по самой низшей планке. И уж совсем было прекрасно, если минимальный срок с минимальным штрафом назначали условно. Соблюдались и принцип гуманности и принцип неотвратимости наказания. Это называлось и овцы целы, и волки сыты. Хотя в этой зоологической связке все они были волками.

Прохоров никогда не страдал наивностью. Он видел всю бездну коррупции, воровства, уличной и бытовой преступности, в которую уронила себя страна. При этом он, как и любой не сошедший с ума человек, верил, что этот беспредел рано или поздно притухнет, спрячется под одеяло, станет ненавистен власти. Иначе и ей как!

Но верить - это ещё не блаженство. Его выбивало из колеи, мучило то, что происходило здесь и сейчас на его глазах. Больше всего его убивало засилье проходимцев всех мастей на разных этажах разветвлённой бюрократической братии. Он знал их в лицо, видел их повадки, привычки, читал их потаённые мысли. Хотя эти черти так хитроумно камуфлировались, что их можно было принять даже за ангелов. Особенно ловко они прикрывались словечками о благосостоянии родины, заботе о гражданах, святости своих помыслов.

Всё это расшатывало нервишки Валентина Викторовича и порою ему думалось, что он сам голый дурак, не понимающий, что хорошо, а что плохо. Ведь живут же люди кругом спокойно, без мудрствований, безо всяких правдоискательских фантазий. Иногда на него накатывало такое озлобление, что он в каждом видел выродка человеческого. В психушку что ли лечь. - сам себя убеждал Прохоров и тут же ужасался этого самоубийственного намерения. Точку в его душевных блужданиях поставил адвокат-прокладка Бельшев. К этому времени он стал президентом адвокатской палаты и имел полное право, как он считал, не только поучать своих коллег, но и направлять их действия в нужное русло.

После первой же нравоучительной встречи с Бельшевым Прохоров решил уйти из адвокатской палаты и создать свою юридическую консультацию, свободную от подобного патронажа. Так он и сделал. Люди шли к нему охотно, зная, что он не задирает цены за свои услуги и нередко готов оказать правовую помощь безвозмездно. Но таких случаев было немного.

Сузив круг общения со своими коллегами, Валентин Викторович обходился случайными разговорами со случайными людьми. И при этом никогда не заводил речь о политике, о засилье власти, её патологической неспособности управлять толково и мудро. Такая предосторожность его самого сильно мучила, но наученный опытом, он понимал, что лучше держать язык за зубами и не ввязываться даже в безобидные обсуждения. В ночных бессонных раздумьях он видел себя исключительно в образе внутреннего эмигранта в своей родной стране. В очередной приёмный день посетителей на пороге юридической консультации возник мужичок в потёртой одежонке, смутно напоминающий одноклассника Мишу Свиридова. Того самого, который на уроке литературы прочитал своё любимое стихотворение В лесу родилась ёлочка. Михаил долго тряс руку Прохорова, даже приобнял его и когда сели за чайный столик, он стал рассказывать о судьбах одноклассников. Кто-то погиб в Чечне, другой подался в Канаду в поисках лучшей доли и там затерялся. Третий ушёл в фермеры, но неосторожно набрал кредиты, разорился и в итоге, спившись, кончил жизнь под забором. Есть, конечно, и удачники...

- Помнишь, - спросил Миша, - Веньку Нестерова?

- Ну как же, отлично помню, - оживился Прохоров, - Он ещё стучал на нас директору школы!

- Так он теперь депутат от партии Жириновского, метит на должность областного министра. По какой-то там внутренней политике. У него особняк шикарный. Машина крутая... А ведь он двух слов связать никогда не мог. Тоже мне деятель!

Помолчали.

- Слушай, Миша, а Наташа где сейчас, чем занимается? - спросил Прохоров, заметно смутившись.

- О Наташе мне мало что известно. Знаю, что она закончила пединститут, преподавала литературу. Её даже признавали учителем года. А потом что-то надломилось в её карьере. Из школы она ушла. Работает теперь в Димитровграде библиотекарем...

- А сам-то ты как? Ты ведь, я слышал, политех закончил, на заводе инженером был.

Михаил сделал паузу, словно раздумывал, а стоит ли говорить о себе.

- Я, Валентин, сейчас, занимаюсь извозом. Короче говоря, таксую. На жизнь хватает. Я бы, конечно, вернулся на радиоэлектронный завод, но покажи, где он? На его месте сейчас огромный торговый комплекс. Там ещё всякие сауны, спа- салоны и прочая дребедень. И от других заводов мало что осталось... Вот так-то!

После встречи с Михаилом у Прохорова в мозгах крепко зацепилась одна только мысль: Наташа, Наталка, Натальюшка, значит, рядом - в Димитровграде. А почему бы не найти её? Интересно, замужем она или нет? Так она вряд ли меня помнит. А если и помнит, то кто я для неё? Всего-навсего одноклассник, объявившийся через сорок лет. Да, была влюблённость. Но не более. Если бы любил её, а она - меня, то, наверное, соединили бы свои судьбы. И всё-таки надо её отыскать. Димитровград ведь рядом, на машине два часа ходу.

В предвкушении встречи Валентин Викторович ворошил в памяти картины школьной жизни. Да, Наташа была как недосыгаемая звезда. Светила всем, но никого не грела, не давала прикоснуться к себе. Нет-нет, в ней не было высокомерия, не было того дикого себялюбия, которым поражён теперь каждый второй индивид, а уж женщины в особенности. Просто она была настолько углублена в себя, что внешний мир для неё был неизвестен, почти потусторонен. После окончания педагогического института Наталья стала преподавать русский язык и литературу в одной из школ Димитровграда. Это был такой период, когда школа ещё продолжала жить по классическим методикам советской эпохи. Молодая учительница, для которой кумирами были Ушинский, Сухомлинский и тот же Макаренко, отдала в их наследие своё сердце и душу. Природным чутьём она понимала, что без любви в детям, без уважения к их неокрепшим ещё характерам, не вывести их на дорогу к знаниям. Её уроки всегда были ост-

рыми и увлекательными диалогами между ней и учениками. И уже через два года её работы Наталью действительно признали лучшим учителем года.

Вскоре после этого директором школы назначили Ивана Ивановича Бывалова - бывшего заведующего РОНО, а затем ответственного функционера политической партии под названием Отечество. Но дым Отечества недолго был сладким и приятным для Бывалова. Когда партия провалилась на выборах, его спешно перекинули в комитет социальной защиты, а оттуда - на директора школы.

Как раз в это время в школьное образование стали внедрять систему ЕГЭ - сначала в экспериментальном режиме в нескольких областях России, а затем и по всей стране. Иван Иванович Бывалов с присущей ему дурной энергией стал навязывать педагогам переход на тотальное тестирование. Никаких устных опросов! Никаких там ля-ля с учениками. Только тесты. Только они объективны и непредвзяты. Исполнять!

Наталья как могла сопротивлялась бредовым новациям Бывалова. Но у него среди учителей нашлись яростные сторонники, с чьей помощью Наталье устроили свирепую выволочку. Она поняла - надо уходить. Не без труда устроилась рядовым библиотекарем и стала жить среди громоздких стеллажей судьбами книжных героев.

Дни шли за днями, месяц за месяцем, сменялись годы. Наталья в своём одиночестве редко смотрелась в зеркало, хотя старалась поддерживать телесную форму и была очень разборчива, умеренна в своих гастрономических вкусах. Но время брало своё и она с грустью, даже печалью стала замечать неизбежное старение. Впрочем, о женском обаянии ей бы теперь и не думать. Так сложилось, что она не создала семью, хотя возле неё вились серьёзные поклонники, готовые предложить и руку и сердце. Но не те они были, не те...

В минуты одиноких воспоминаний Наталья перебирала смутные образы своих одноклассников. Некоторых даже забыла. Вот хорошо помнит Вальку Прохорова. Хороший паренёк. И ей только сейчас, спустя почти сорок лет, подумалось, а ведь он был в неё влюблён. Да, конечно, влюблён. Он ещё как -то странно избегал её, отводил глаза и при этом заметно краснел, будто чего-то стыдился... А ведь ей он тоже нравился. Но тогда это было для неё такое же обыденное чувство, когда также, как и приятный человек, нравится яркий закат, молодая берёзовая роща, соловьиная трель. О любви её тогда почему-то не мечталось.

Наталья вспомнила, что Валька Прохоров дослужился до полковника, живёт где-то в Прикарпатье и у него замечательная семья. Но не знала Наталья, что теперь всё это не так. Что он теперь рядом, в двухчасовой езде на автомобиле, что в Прикарпатье остались две его дочери, а бывшая жена ударилась в политику с такой же животной безумной страстью, когда женщина балзаковского возраста ударяется в разврат.

Прохоров после встречи с Михаилом Свиридовым стал настраивать себя на поездку в Димитровград. Без труда он узнал домашний адрес и номер телефона Натальи. Позвонил. В трубке прозвучал очень знакомый и почти такой же молодой голос. И она его узнала. Договорились о встрече.

Валентин Викторович извёл себя нетерпеливым ожиданием назначенного часа. Купил большой букет роз. Потом передумал, посчитав, что розы это пошлово, их дарят обычно молодым вертихвосткам. Лучше хризантемы. Они символизируют женское достоинство, чистоту и нежность. Теперь шампанское. Какое же, черт возьми, взять? Столько подделок, что можно позорно опростоволоситься. Остановился на Абрау Дюрсо...

И вот он у квартирной двери. Валентин Викторович позвонил и напрягся как струна. Вот-вот он увидит её. Её красивое спокойное лицо, глаза, в которых и ум и свежесть мысли. Её русые роскошные волосы, уложенные в переплетённую косу. Открылась дверь и на пороге предстала пожилая грустная женщина с тонкой сеточкой морщин на лице. И с более крупными старческими бороздками на шее. Седые поредевшие пряди окаймляли её голову, отдавая лёгкой желтизной.

- Ну, заходи же, Валя, что стоишь?

- Да-да, захожу, захожу,- пробормотал Прохоров, ещё не понимая, что же его поразило в первые секунды.

Они сидели за столом, уставленном незамысловатым угощением. Пили Абрау Дюрсо, вспоминали одноклассников, учителей и совсем не говорили от том, что они пережили в последние годы. Наталья подкладывая Прохорову закуску, развернулась чуть боком и чуть вниз и он увидел на её голове широкую линию пробора, похожего на шрам. Как-то так получилось, что Прохоров поцеловал этот пробор, они обнялись и враз оба заплакали. Он беззвучно, сжав зубы, а она - беспомощно, со всхлипом. И оба были счастливы в это объединившее их мгновение.

...И больше они уже не встречались. Прохоров продолжал заниматься адвокатской практикой, имел неплохие доходы. Это позволило ему поставить хороший особняк на берегу Волги, заложить яблоневый сад и обзавестись дорогой, редкой породы собачкой. В вечерние часы с собачкой на коленях он смотрел телевизор. Передачи не запоминал, да и они не были для него интересны. Примелькавшиеся лица одних и тех же персонажей телевизионных ту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.